

РАЗДЕЛ II

ТЭАРЭТЫЧНАЯ І ФУНКЦЫЯНАЛЬНАЯ ГРАМАТЫКА. ГІСТОРЫЯ МОЎ І ГІСТОРЫЯ МОВАЗНАЎСТВА

СЕМАНТИКА СУБЪЕКТА И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С КАТЕГОРИЕЙ ВРЕМЕННОЙ ЛОКАЛИЗОВАННОСТИ И НЕЛОКАЛИЗОВАННОСТИ ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ И ПОВЕСТЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО)

А. В. Бубен

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, si1m9o7n3a@gmail.com*

В докладе рассматривается функционально-семантическое поле субъектности и его взаимосвязь с категорией временной локализованности и нелокализованности действия в пространстве писем и повестей «Детство», «Крейцера соната» Л. Н. Толстого. Выявлена общая нарративная стратегия, формирующая новую жанровую доминанту авторского литературного письма: расширение конкретного субъекта: от определенно-ограниченного класса (преимущественно первое лицо в значении 'я как писатель') до человечества в целом (второе лицо); широкое использование ситуации качественного своеобраза субъекта.

Ключевые слова: авторское литературное письмо; субъект; временная локализованность; временная нелокализованность; нарратив; дейксис; аспектуальность; повести Л. Н. Толстого.

СЕМАНТЫКА СУБ'ЕКТА І ЯЕ ЎЗАЕМАСУВЯЗЬ З КАТЭГОРЫЯЙ ЧАСАВАЙ ЛАКАЛІЗАВАНАСЦІ І НЕЛАКАЛІЗАВАНАСЦІ ДЗЕЯННЯ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ПІСЬМАЎ І АПОВЕСЦЯЎ Л. М. ТАЛСТОГА)

Г. В. Бубен

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, si1m9o7n3a@gmail.com*

У дакладзе разглядаецца функцыянальна-семантычнае поле суб'ектнасці і яго ўзаемасувязь з катэгорыяй часавай лакалізаванасці і нелакалізаванасці дзеяння ў пісьмах і аповесцях «Дзяцінства», «Крэйтэрава саната» Л. М. Талстога. Выяўлена агульная наратыўная стратэгія, якая афармляе новую жанравую дамінанту аўтарскага літаратурнага пісьма: пашырэнне канкрэтнага суб'екта: ад вызначана-абмежаванага класа

(пераважна першая асоба ў значэнні ‘я як пісьменнік’) да чалавецтва ў цэлым (другая асоба); шырокае выкарыстанне сітуацыі якаснай асобнасці суб’екта.

Ключавыя словы: аўтарскае літаратурнае пісьмо; суб’ект; часавая лакалізацыя; часовая нелакалізацыя; наратыў; дэйкіс; аспектуальнасць; аповесці Л. М. Талстога.

Исследование художественного текста и текста, рассматриваемого как литературный факт (в настоящей работе – авторское литературное письмо), может проводиться с учетом общности языковых особенностей организации нарративного режима интерпретации, создающего эстетическую реальность художественного мира. В первую очередь, на наш взгляд, в пространстве эпистолярного и художественных произведений должны быть найдены и доказаны последовательные реализации категорий нарративного дейксиса (пространство, лицо, время); в особенности должна быть показана специфика временного дейксиса.

Общность лица, от которого ведется повествование в письме и в автобиографической повести, при всех замечаниях о различии автора, повествователя и героя, заставляет нас обратиться к «Детству» Л. Н. Толстого. Сравнивая материалы писем [1] и повести, мы обнаруживаем общие авторские стратегии Л. Н. Толстого. Особенно значимой в этом плане представляется задача проследить за выражением и семантикой лица и действия, которое к нему относится.

Исследователи функционально-семантического поля субъектности, впервые описанного А. В. Бондарко, понимают под субъектом прежде всего «субстанцию, обладающую актуализированным признаком, т. е. определенным образом проявляющим себя по отношению к актуализированным ФСП модальности, темпоральности, персональности и временной локализованности» [2, с. 154]. Установлению взаимосвязи семантики субъекта посвящены работы последователей А. В. Бондарко, в частности И. Н. Смирнова, установившего соответствие между уровнями локализованности/нелокализованности (Л/НЛ) и обобщенности/неопределенности субъекта.

Если действие/состояние в тексте теряет привязку к конкретной точке на временной прямой и может быть описано как узуальное, то в соответствии с уровнями Л/НЛ можно выделить следующие типы ситуаций [2, с. 158]:

– ситуации с конкретным расширенным субъектом: «расширение личного опыта до границ классов, групп и т. п.» [2, с. 158]; примечательно, что актуализация личного опыта, его расширение до общечеловеческих границ некоторыми исследователями считается дифференциальной чертой нарратива;

– ситуации с обобщенным субъектом: 1) с учетом личного опыта говорящего; 2) без учета опыта.

Следующие факторы обуславливают вневременные ситуации, которые характеризуются высшей степенью абстракции и обобщения:

– качественное своеобразие субъекта: субъект – абстрактное понятие или природное вещество (в этом случае ситуация в целом характеризуется облигаторной квалитативностью);

– характеристика субъекта по его деятельности: действие обязательно для всех субъектов (субъект обозначает класс, субъект – общее имя, в результате возникает детерминированная квалитативность);

– отождествление признака с его носителем, при этом устанавливается корреляция естественного класса неестественному (это так называемая ситуация нерасчлененной квалитативности);

– распространение субъекта до неограниченного класса (все человечество в целом) создает вневременно потенциальные ситуации (регулирующие поведение); таким ситуациям, как правило, свойственна качественность.

Субкатегоризация уровней НЛ по квалитативному признаку и установление семантики субъекта в каждой из ситуаций НЛ сопутствуют более точному определению самого ФСП НЛ и включают в формирование грамматического выражения ФСП НЛ все единицы аспектуально-темпорального комплекса. При семантической общности наблюдается грамматическое разнообразие в выражении НЛ, тем не менее писатель всегда ориентируется на сформировавшиеся нарративные стратегии.

Сравним фрагменты из разножанровых произведений Л. Н. Толстого:

а) *Предполагается, что болезнь можно лечить и что есть такая наука и такие люди — доктора, и они знают. Не все, но самые лучшие знают. И вот ребенок болен, и надо попасть на этого, самого лучшего, того, который спасает, и тогда ребенок спасен: а не захватишь этого доктора или живешь не в том месте, где живет этот доктор, и ребенок погиб («Крейцера соната»).*

б) *И это отвечает на другой вопрос, что такое благо? Блага абсолютного нет во внешнем мире. Одно истинное благо есть наибольший свет разума, при котором человек может сделать наивернейший выбор. В совершенной темноте я изобью ноги и голову; при малом свете я хоть огражусь от беды и найду, что мне нужно; при большом свете я еще больше могу сделать того, что мне хорошо. И потому наибольший свет есть наибольшее благо (черновое письмо А. А. Фету от 10–15 октября 1880 г.).*

в) Мне кажется, что в одной улыбке состоит то, что называют красотой лица: если улыбка прибавляет прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если она портит его, то оно дурно («Детство»).

Выборка фрагментов обнаруживает общее место – установление закономерностей и причинно-следственных связей, законов вне времени. Выбранные морфологические средства отнесения действий к временной обобщенности интерпретируются нами как варианты перевода одной философской модели в разные жанры. Общая тенденция описываемого действия/состояния к временной обобщенности (типичности и вневременности), последнему уровню НЛ, прослеживается во всех фрагментах, однако грамматическое выражение предикативности разнообразно.

Так, во фрагменте (а) мы наблюдаем смену субъектов: *болезнь можно лечить* (качественное своеобразие субъекта, инфинитив, отвлеченный от времени, НСВ потенциальности), *самые лучшие знают* (характеристика субъекта по его деятельности, настоящее постоянное, абстрактное, НСВ потенциально-качественное), *ребенок болен* (конкретно расширенный субъект, настоящее неактуальное), *который спасает* (характеристика субъекта по его деятельности), *не захватишь, живешь* (субъективированная ситуация с обобщенным субъектом), *живет доктор* (конкретно расширенный субъект, настоящее неактуальное), *ребенок погиб* (конкретно расширенный субъект, прошедшее СВ с транспозицией в будущее время).

Употребление формы СВ прошедшего времени глагола в значении будущего времени создает необходимую экспрессивность художественного текста, сигнализирует о необратимости действия, достижении предела грамматической семантики СВ и смысла высказывания в целом – фиксирует прекращение существования субъекта.

Характерная для манеры письма Л. Н. Толстого условная, причинно-следственная семантика выражена только в последней части высказывания, однако весь смысл сообщаемого может быть помещен в рамки союза *если... то*.

Во втором примере (б) через грамматические формы, выражающие утверждение и отрицание, мы наблюдаем процесс поиска истины. Глагольная связка *есть* сопровождает дефиниции: *благо есть разумение, свет есть благо*, кроме того, имплицитно присутствует в вопросе *что такое благо?* Глагол *быть*, бытийный по семе, в форме настоящего неактуального (постоянного) времени вступает в однородный ряд с периферийной формой временных отношений – инфинитивом. Интересно взаимодействие значения СВ с частным потенциальным значением инфинитива *сделать* и форм будущего времени СВ потенциального *изобью, огражусь*,

найду. Градационный ряд заканчивается составной предикацией *могу сделать* (в противовес альтернативной и входящей в однородный ряд с предшествующими формами *сделаю*). Синтетические формы глаголов СВ свидетельствуют об уверенности адресанта в факте свершения тех действий и событий, о которых он сообщает, что формирует во всем высказывании значение догмата, непреложной истины. Возникают условно-следственные отношения «если... – ...то», характерные для языковой личности Л. Н. Толстого. «Наблюдаемый пункт», в терминологии Г. А. Золотовой, помещается в точку, актуальную как для самого повествователя, так и читателя. В таком случае автор способен рождать истину на глазах у читателей, в настоящем времени, избегая при этом афоризации речи. Задавая вопрос *Что такое благо?*, Л. Н. Толстой уже знает ответ и конечную точку рассуждений, однако в пространстве авторского литературного письма разворачивается путь к этой конечной точке как доказательство ее верности, истинности. В литературоведении по отношению к подобным случаям используется термин острания.

Виктор Шкловский в статье «Искусство как прием» раскрывает суть термина: «Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием “острания” вещи и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен» [3, с. 15]. Употребление сложных наименований типа *наибольший свет разума* делает возможным построение высказывания на метафоре тьмы и света. НЛ вневременности определяет семантику субъекта: внеременно-потенциальная ситуация расширяет Я до общечеловеческого значения лица.

В третьем примере (в) условно-следственные отношения грамматически выражены союзами *если... то* с сохранением настоящего неактуального НСВ потенциального. Для усиления семантики следствия на синтаксическом уровне используется именное выражение сказуемого: *лицо прекрасно, оно обыкновенно, оно дурно*.

Общий темпоральный ключ настоящего времени не отменяет употребление глаголов других временных планов, однако тенденция очевидна: в случае философских рассуждений о явлениях, общих для всего человеческого рода или более узкого класса (интеллигенции, писателей), как мы увидим далее, формы настоящего времени приоритетны. Описанные морфологические средства отнесения действий к временной обобщенности интерпретируются нами как варианты перевода одной философской модели в разные жанры творчества.

При этом продолжительность действия не является первичной для значения настоящего времени в приведенных фрагментах из произведений Л. Н. Толстого. На первый план выходит типичность, повторяемость действия. Неактуальное настоящее также может приобретать значение изобразительного настоящего в тех случаях, когда конкретная ситуация, не обладающая конкретной длительностью, расширяется (а). Действие развивается как бы на глазах у повествователя. Семантика субъекта также выходит за рамки грамматической формы (единственного числа вместо множественного – (а), (в), обобщенное личное местоимение первого лица единственного числа – (б)).

Такова нарративная стратегия Л. Н. Толстого в ситуациях художественных/философских размышлений. Прием остранения на грамматическом уровне проявляется в установлении закономерности, связи причины и следствия. Обобщая все наши наблюдения, определим, что для нарративной стратегии авторского литературного письма и автобиографической повести Л. Н. Толстого характерно расширение конкретного субъекта: от определенно-ограниченного класса (преимущественно первое лицо в значении ‘я как писатель’) до человечества в целом (второе лицо), а также широкое использование ситуации качественного своеобразия субъекта.

Библиографические ссылки

1. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Художественная литература, 1928–1958. Т. 62. Избранные письма 1873–1879 гг. 1953.
2. Смирнов И. Н. Семантика субъекта, объекта и временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность, неопределенность / А. В. Бондарко [и др.] ; под ред. А. В. Бондарко [и др.]. СПб. : 1992. С. 154–167.
3. Шкловский В. Б. О теории прозы. М. : Советский писатель, 1983.